

М А С Т Е Р А Т Р И Л Л Е Р А

УОРРЕН ЭЛЛИС

ОРУЖЕЙНАЯ МАШИНА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Э47

Серия «Мастера триллера»

Warren Ellis
GUN MACHINE

Печатается с разрешения издательства Little, Brown and Company, New York, USA и литературного агентства Andrew Nurnberg. All rights reserved.

Перевод с английского: *Марина Осипова*

В оформлении обложки использована иллюстрация

Павла Трофимова

Дизайн обложки: Марина Акинина

Эллис, Уоррен

Э47 Оружейная машина / Уоррен Эллис. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 382 с. (Мастера триллера).

ISBN 978-5-17-099033-7

После перестрелки, в которой гибнет его напарник, детектив Джон Тэллоу случайно находит квартиру, доверху забитую оружием. Когда за дело берутся криминалисты, оказывается, что каждый пистолет или автомат связан с нераскрытым убийством, и многим из них уже немало лет.

Теперь у Тэллоу на руках сотни преступлений, и он сталкивается с настоящим заговором, в котором замешаны многие могущественные люди Нью-Йорка, а также с охотником, самым страшным серийным убийцей в истории США, чьи цели и мотивы гораздо страшнее любой борьбы за власть.

Copyright © 2013 by Warren Ellis
© Марина Осипова, перевод, 2017
© Павел Трофимов, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Посвящается
Ариане и Молли,
Лидии и Энджел,
а также
Ники и Лили*

Один

Прослушай кто запись звонка в 911, показалось бы, что миссис Стегман больше заботило не оружие в руках человека на лестничной площадке, а то, что парень с дробовиком совершенно голый.

Звонок в 911 как болевой сигнал в хвосте динозавра — геологическая эпоха пройдет, а он еще до мозга не добрался. Неповоротливая громовая ящерица Департамента полиции Нью-Йорка переваривает информацию чрезвычайно медленно — и даже глазом не ведет в сторону всех этих эволюционно продвинутых млекопитающих, вроде сотовых данных, вайфаев и коммуникаций финансового сектора, мельтешащих у нее под лапищами.

Одним словом, прошло семь долгих минут, прежде чем кого-то посетила светлая мысль: а ведь детективы Первого участка Джон Тэллоу и Джеймс Розато находятся в восьмистах ярдах от того парня, что нагишом с дробовиком бегаёт! И детективов тут же вызвали на место происшествия.

Тэллоу опустил стекло машины с пассажирской стороны и сплюнул никотиновую жвачку на Перл-стрит.

— Ты же не хотел,— сказал он Розато, равнодушно проводив взглядом курьера в кислотно-лимонной лайкре на велике: парень показал Тэллоу средний палец и

обозвал преступником.— Ты же всю неделю трындел про свои колени, как они болят — и что? Только что взял вызов из дома, где лифта нет! Он такой последний на Перл остался...

Джим Розато недавно женился — на медсестре греческого происхождения. Сам Розато был наполовину ирландцем, наполовину итальянцем, и в Первом народе всюду заключал пари, кто кого за год заживо сожрет — итальянец ирландца или наоборот. Победила греческая медсестра. Она потребовала от Джима заняться здоровьем и запугала беднягу до такой степени, что тот согласился бегать трусцой до и после смены. Всю прошлую неделю Джим вползал в участок с видом разжевавшего осу бульдога, призывая всех и каждого в свидетели, что колени у него не гнутся и жить ему осталось всего ничего.

Когда Розато ругался, у него прорезался ирландский акцент — не иначе как дублинская матушка напоминала о себе из-за гробовой доски.

— Блин, ты откуда все это знаешь, а?

На заднем сиденье машины возвышались геологические отложения книг, газет и журналов, а также катались пара читалок и перепрошитый «серый» айпад. Чтобы затолкать в машину подозреваемого, напарники по очереди трамбовали эту кучу ногами. Тэллоу много читал, этого было не отнять.

Розато треснул по рулю, развернулся и припарковался перед домом на Перл-стрит. Приземистое мрачное серое здание походило на древнюю окаменелость, в которую заселились ищущие крова людишки. Остальные строения с этой стороны улицы могли похвастаться дермабразией, лечеными зубами и прочим косметиче-

ским ремонтом — они стояли по бокам от старенького дома, как самодовольные дамочки за тридцать, что извели ботоксом морщины и теперь жалостливо приобнимают дряхлого родственника. Многие, похоже, пустовали, однако же по улице ходили стада юношей в хороших костюмах и жутких галстуках с приклеенными к уху телефонами и яркие вереницы костлявых девиц, тычущих острыми ногтями в экраны гаджетов.

Внутри старого дома грохнул выстрел, и толпа, как стоя фламिंगо, резво перебирала длинными ногами прочь.

— Это была твоя идея, — спокойно сказал Тэллоу, хлопая дверцей машины.

А потом машинально опробовал, хорошо ли ходит «Глок» в кобуре под пиджаком. Розато на негнущихся ногах пошел к двери дома.

Ведь не зря столько копов женится на медсестрах. А все потому, что обычные люди жизни не знают, а медсестры — знают. Жизнь — это убийственно долгие смены, когда не знаешь, куда себя девать со скуки, а потом вдруг несешься сломя голову на вызов, а там все в кровище... Тэллоу усмехнулся и пошел за сморщенным от боли напарником. Дверь он притворил как можно тише и только после этого вытащил оружие.

Под ногами заскрипел паркет холла. Там и сям деревянных плашек не доставало, и в дырках виднелась подложка из гнилых газет. У южной стены из-под паркета выглядывало знакомое лицо — с фотографии улыбалась какая-то знаменитость пятидесятых... Пластиковые обои лоснились от старых никотиновых разводов, воздух стоял влажный и теплый, а перила лестницы мерзко поблескивали дегтярной чернотой.

— Мать твою налево...— пробормотал Розато, взбираясь по ступенькам.

Тэллоу попытался скользнуть вперед, но Розато повелительно отмахнул — держись, мол, сзади. Прежде чем получить повышение и стать детективом, Розато долго работал патрульным и оттого полагал, что на улице напарнику с ним не сравниться. Тэллоу у нас вечно в облаках витает, говорил Розато. А вот он, здоровяк Джим, знает, как дело делать,— сколько лет улицу топтал.

С верхней площадки доносились вопли. Похоже, голый парень с дробовиком очень расстроился из-за подсунутого под дверь письма, в каком-то сообщалось: так и так, здание приобрела строительная компания, и всем квартирантам предлагается замечательный срок в три месяца, чтобы подыскать себе другое жилье. Голый парень с дробовиком орал, что пристрелит любого ублюдка, который попытается выгнать его из дома,— потому что это его дом, и никто не имеет права принуждать его к тому, что он делать не желает, и до кучи у него дробовик есть. Про то, почему он голый, парень не сказал ничего. Видно, настолько разозлился, что забыл про такую малость, как одежда.

Детективы поднялись на второй этаж и посмотрели вверх.

— Ублюдок на третьем,— прошипел Розато.

— Да у него не все дома, Джим. Ты только послушай — у него голос на визг срывается, и он одно и то же твердит, раз за разом. Давай подождем, пока спец по психам приедет.

— А ты почитай ему книжку по истории, вдруг он задряхнет и глазом на дробовик напорется.

— Я серьезно.

— Я, мать твою, тоже. Мы ж не знаем, может, он застрелил кого.

И Розато пошел вперед, сжимая и разжимая пальцы на рукояти пистолета. Оружие он держал у бедра.

Они очень тихо поднимались. Голос психа стал громче. Розато ступил на лестничную площадку перед третьим этажом, поднял пистолет, шагнул вперед и рывкнул: «Это полиция!» И поставил ногу на следующую ступеньку.

Колено не выдержало, нога подвернулась.

Голый парень с дробовиком шагнул на лестницу и пальнул.

Выстрел снес левую верхнюю часть черепа Джима Розато. Кусок мозга величиной с кулак влажно шлепнулся о стену.

Тэллоу стоял в трех шагах позади и правее и со своего места видел, как отлетел на пять дюймов от головы еще целый, свисающий из глазницы на красных нитях-червячках глаз Розато. В эту секунду Тэллоу посетила абстрактная мысль, что в свой последний миг Джеймс Розато мог видеть своего убийцу под двумя разными углами.

Глаз Розато ударился о стену и разлетелся на мелкие брызги.

Густой воздух загудел эхом выстрела.

Раздался странно долгий щелчок затвора — убийца Джима Розато перезарядил ружье.

«Глок» сам скакнул в руки. Обе руки на рукояти, четырнадцать патронов в обойме, один в стволе. Оказалось, Тэллоу уже нажал на спусковой крючок.

Убийца Джима Розато когда-то качался, но бургеры и лежание на диване взяли свое. Он дрожал с головы до ног. Под трясущимся жиром смутно угадывались мышцы. Лысая головка казалась слишком маленькой для человеческого мозга. Крошечный член торчал, как серый клитор, над висящими мешком яйцами. Поперек груди шла скверно наколотая и растянутая волосатыми сиськами татуировка «Регина». Джон Тэллоу рассудил, что у него нет ни одной причины, чтобы не пристрелить ублюдка на месте, и потому всадил четыре пули навывлет в «Регину», а контрольным продырявил тупую головушку.

Последний выстрел опрокинул убийцу Джима Розато на спину. Тоненькая струя мочи описала вместе с телом пологую дугу. Убийца грохнулся на пол, конвульсивно выдохнул, попытался вдохнуть и умер.

Джон Тэллоу, все еще не двигаясь с места, тоже выдохнул. И вдохнул. Воздух загустел от пороховых газов и крови и теперь горчил.

В коридоре не было ни души. В стене, перед которой лежал труп, чернела дырка. Возможно, он пальнул в стену, чтобы привлечь внимание. Возможно, он был обычным психом.

Но Тэллоу не хотел в этом разбираться. Он позвонил и сообщил о случившемся.

А люди еще удивлялись, почему это Джон Тэллоу в работу всю душу не вкладывает...

Два

Джон Тэллоу стоял, пока медики отскребали от стены, поднимали, укладывали в мешок и увозили человека, с которым он проработал четыре года. А потом он молча сел на ступеньку, и им пришлось пронести убийцу Розато над его головой. Убийцу они тоже увезли.

Люди что-то ему говорили. После перестрелки в ограниченном пространстве он слегка оглох, к тому же его не очень-то интересовало, что до него хотят донести. Кто-то сказал, что лейтенант выехала, чтобы сообщить жене Розато горькое известие. Она, лейтенант, в смысле, любила это делать — чтобы хоть от такого людей освободить. За последние годы ей три или четыре раза пришлось наносить подобные визиты...

А потом Джон обнаружил, что кто-то активно пытается завладеть его вниманием. Кто-то в полицейской форме. За этим кем-то копошились, как жучки, спецы из Экспертно-криминалистической службы.

— Вот эта квартира,— сказал ему кто-то в форме.

— Чего?

— Мы зашли во все квартиры — чтобы проверить, все ли у всех в порядке. А вот в этой пулевое отверстие в стене и никто не открывает. Вы туда заходили?

— Нет. Погодите, погодите. Дырка-то снизу. Вряд ли пуля кого-то задела...

— А может, этот квартиросъемщик на работе? Хотя он такой единственный во всем здании будет, если так...

Тэллоу пожал плечами:

— Ну так взламывайте дверь!

— Так не поддается. Не знаю, что за замки там по-натыканы, но дверь сидит как влитая.

Тэллоу поднялся. Ну да, такие дома — не Форт-Нокс, здесь бронированных сейфов не водится. Но если некто в форме сказал, что дверь не поддается, значит, долбиться в нее снова бесполезно. Хотя важнее не дверь. Важнее дырка в стене. Тэллоу опустил на колено перед отверстием. Внутренние стены здесь не стены, а одно название. Так, гипсокартоновые перегородки. Когда здесь еще много народу квартиры снимало, гул, наверное, стоял, как в улье...

Дыра зияла в фуге от его лица. Тэллоу приник к ней глазом. Темно. Тогда он отодвинулся, чтобы в дырку попало хоть сколько-то света из коридора. Некто в форме стоял и смотрел, как Тэллоу сосредоточенно хмурится.

— Дай-ка мне фонарик,— пробормотал Тэллоу.

Тэллоу включил его и осветил в дырку. В темноте что-то поблескивало, словно луч отражался от оскаленных зубов затаившегося в пещере животного.

— Таран несите,— вздохнул Тэллоу.

Некто в форме ушел вниз, а Тэллоу уселся на пол, прислонившись спиной к стене. От жалоб криминалистов он просто отмахнулся. Они ему это еще припомнят как пить дать. Криминалисты любят пожаловаться и, если их не выслушать, обязательно найдут того, кто выслушает.

С другой стороны, возможно, сегодня он заслужил, чтобы его оставили в покое.

Тэллоу сидел и думал о напарнике. Думал, что так и не познакомился с его женой. Честно говоря, не познакомился, потому что активно от этого увиливал. Как он обрадовался, что ребята решили пожениться во время отпуска, и потому он не мог, да и не должен был присутствовать на церемонии. Тэллоу однажды пришлось сообщать незнакомой женщине, что ее муж погиб при исполнении — ему всадили три здоровенные пули в живот. Помнил, как она плакала. Одного раза ему хватило, и с тех пор Тэллоу решил, что жениться ему не надо. К тому же совсем не улыбалось идти на свадьбу, стоять среди гостей и думать о том, что надо бы все-таки жениться. И он не хотел сидеть за ужином у Джима Розато и думать, что надо бы все-таки жениться.

Некто в форме отыскал другого некто в форме, и на пару они с очень несчастным видом затащили наверх таран. Под облупленной черной краской синевато поблескивал металл.

Тэллоу остался сидеть и только ткнул пальцем в дверь.

Двое в форме наподдали по двери. Та прогнулась, но устояла. Таранщики переглянулись, размахнулись сильнее и долбанули крепче. Полетели щепки, но дверь не поддалась.

Тогда Тэллоу встал.

— Долбите стену.

— Прям стену?

— Угу. Скажете, что я велел. Давайте долбите.

Таран врезался в стену. Изнутри послышалась пара глухих ударов. Криминалисты выругались по матуш-